Анастасия Некозакова. Фото: личная страница в facebook

13.03.2017, 15:13 Санкт-Петербург свой опыт

«Вы, наверное, были на акции — у вас ленточки такие на пальто»

Восьмого марта, в Международный женский день, по всему миру проходят различные мероприятия, посвященные защите прав женщин. В Петербурге во время акции «Феминизм — для каждой» на Малой Садовой и Малой Конюшенной улице было задержано 14 человек. Из них один был оставлен на ночь в отделе полиции. ОВД-инфо публикует рассказы четырех задержанных девушек и анархистки из группы поддержки.

Варя Михайлова:

Последние несколько лет в Петербурге не согласовывают митинги. К этому уже все привыкли, и у нас даже

сложилась традиция альтернативных мероприятий — так называемых народных сходов: люди без символики, флагов и звукоусилительной техники приходят на Невский проспект и просто общаются, иногда поют песни, а те, кто принес плакаты, распределяются в цепочку одиночных пикетчиков по Невскому проспекту. Полиция при этом последнее время вела себя достаточно корректно — и даже если задержания бывали, они обычно были скорее мягкими.

Анастасия Некозакова:

В целом это больше общение, способ выразить свое отношение к проблеме, показать, что ты солидарен, как было, например, когда пытали Дадина. Люди вышли на Садовую, потому что нельзя не выйти. Очень унизительно, что ты подаешь, обиваешь пороги, а потом все равно не согласовывают. Это не уведомительный порядок. Люди отходят от этого унижения, понимая, что это совершенно не работает. Отвоевывают себе публичное пространство.

Варя Михайлова:

8 марта полиция начала вести себя агрессивно с первых минут. У меня была картина — тантамареска (стенд с отверстием для лица — *ОВД-Инфо*), и я встала в центре как бы с одиночным пикетом, а остальные девушки встали вокруг меня. Хотя мы не проявляли никакой активности, сотрудники полиции несколько раз предупредили нас в мегафон о недопустимости нарушения порядка проведения публичного мероприятия и даже пригрозили задержанием девушкам, которые прилегли на асфальт, чтобы сфотографироваться с моей картиной.

Фото: Давид Френкель

Когда мы стали петь песню «Хлеб и розы», задержания начались немедленно: четырех девушек выдернули из толпы и потащили к автозакам. Меня тоже попытались задержать, но один из полицейских, ранее переписавший мои паспортные данные, крикнул:

— Не задерживайте Варвару Дмитриевну, у нее одиночный пикет!

И меня почему-то действительно отпустили.
Но ненадолго — потому что мы продолжили петь: теперь мы пели гимн протеста — песню «Стены». Когда стало понятно, что нас все равно задержат, мы также начали выкрикивать лозунги: «Россия будет свободной» и «Свобода, равенство, сестринство». В этот момент как раз накинулись на меня: несмотря на полное отсутствие сопротивления с моей стороны меня грубо протащили через толпу и просто закинули в автозак, коленками вперед (на одном колене осталось несколько гематом, которые я зафиксировала в травмпункте).

Когда на меня набросились полицейские, меня крепко обняла Анастасия Ходырева — так крепко, что полицейским не удалось нас «расцепить»: пришлось задержать обеих.

Фото: Давид Френкель

Ольга:

Я услышала, как два полицейских сказали «так, вот этих двух — вяжем» и направились к девчонкам. Взяли их за руки и повели к машине. Я как это увидела, сразу пошла за ними, и в это время я как-то пыталась ухватиться то за девушку, то за полицейского, чтоб предотвратить момент задержания. Тут подлетел полицейский, схватил меня сзади, заключил сзади руки и тоже потащил

в машину. И тогда уже моя подруга пыталась меня выручить, и в итоге всех четырех поместили в машину.

Когда полицейский тащил меня в машину, он сзади зажимал мне руки, и я не могла ими ничего делать. Я очень переживала, что мне наденут наручники. Может, у меня какая-то фобия, когда руки зафиксированы, чувствую себя очень беззащитной, очень психологически давит.

Варя Михайлова:

В машине для задержанных нас оказалось шестеро, но мест в ней было только четыре, поэтому двум девушкам все время приходилось стоять: мы падали и бились о стенки на всех неровностях. Везли нас крайне странно: полицейская машина повторила маршрут от Невского проспекта до отделения полиции, потратив на этот краткий маршрут более часа. По прибытии к отделению нас еще больше получаса держали в темной машине, не выпуская.

Анастасия Некозакова:

Меня задержали на Малой Конюшенной, там есть большое пустое место, где никого не было. Мы встали, самба-бэнд начал играть, и вокруг него все превратилось в прекрасный танцевальный митинг. Люди что-то выкрикивали, танцевали, было очень весело, очень здорово. Собралась толпа, которая подтанцовывает, подпевает. Периодически выходит мент с мегафоном и что-то говорит, мент с камерой снимает. Он выходит, уходит, потом опять приходит, что-то говорит, уходит. Видимо, ждет, что ему скажет начальство. Они попытались забрать девушку, и все близлежащие бросились ее защищать. Я видела протесты 2011 года на Исаакиевской, там люди просто стояли, подбегает ОМОН и из толпы хватает по одному и уводит. Никто не сопротивляется, не цепляется руками. А здесь все так

друг друга защищали. Кричали «Позор! Позор!» и «Отпусти!». Мент тянет девушку в одну сторону, и сразу прям подбегает толпа, их окружает, и кричат очень громко, склоняясь ему прямо над ухом «От-пу-сти! От-пу-сти!». А там молодые достаточно менты, и видно, как он краснеет, потом начинает дрожать, потом он не понимает, что делать, и на него давят, и он отпускает. Потом он уходит с друзьями вчетвером и по дороге забирает кого-то, ну потому что надо, сказали забрать — надо. Они пытались забрать какую-то девушку, я ее схватила за руку, и потом меня от нее оттащили. Там уже началась какая-то возня другая, я отошла и просто случайно, меня по дороге зацепили. Я думаю, мне надо было отойти чуть подальше.

Фото: Давид Френкель

Надо сказать, что из четверых последних, которых задержали, одна девушка шла на встречу, у нее была назначена у [Александрийского] столпа. Она ничего не знала об акции и в отделе у нас спрашивала, что происходило. Говорит, я пришла, а тут барабаны, весело. А еще двое человек были задержаны после того, как ушли с митинга, зашли в кафе, а потом пошли дальше по Невскому. Подъехала машина легковая, и им говорят: «Вот вы, наверное, были на акции, у вас ленточки такие на пальто, всё, поехали с нами». Ну и они сели и поехали. Небывалое рвение проявили.

Варя Михайлова:

В отделении нас оказалось уже 14 человек — и тут стульев тоже на всех не хватило: некоторые девушки (а также единственный задержанный юноша) стояли или сидели на полу. При этом сотрудники полиции отказывались отвечать на наши вопросы, а также не составляли протоколы о доставлении.

Активистка, пожелавшая остаться анонимной:

Там была девочка (Александра Шелепова — *ОВД-Инфо*), ее очень жестко тащили до автозака, она была с плакатом, она пассивно сопротивлялась, ее волокли по земле, немного придушили даже. Она говорила, что у нее была асфиксия. Ее увезли на скорой. И еще у девочки (Марии Красновой — *ОВД-Инфо*) одной был диабет, и ей тоже требовалась скорая помощь.

Ольга:

Полиция была в растерянности, после трех часов мы встали и собирались выходить, стали ломиться в дверь, потому что нас не имели права держать больше трех часов без предъявления протоколов. В итоге полиция еле-еле нас остановила, потому что они неуверенно действовали. Было видно, что это не их инициатива. Как нам сказал один из полицейских: «У нас тут иерархия четкая, которую мы должны соблюдать. И мы не можем делать то, что мы хотим, как нам говорит наша совесть, мы должны делать то, что нам указывают сверху».

У начальника дежурной части тряслись руки. Потому что постоянно был гул, мы смеялись, фотографировались, пытались добиваться своих прав, то есть постоянно что-то говорили, делали. У этого полицейского, дежурного, может, начался стресс какой-то, но у него дрожали руки.

Анастасия Некозакова:

Я очень давно, в принципе, не задерживалась, лет восемь. И могу сказать, что произошли просто гигантские перемены, в первую очередь благодаря техническому прогрессу. Все сразу достали свои планшеты, айфоны, начали вести прямую трансляцию, делать селфи из отдела. Потом начали смотреть, чем закончилась демонстрация,

чем закончилось всё это гуляние, что происходит на Дворцовой. Кто-то говорит: «...Вот, я так мечтала в это восьмое марта, спустя сто лет — мы на Дворцовой! Акция закончилась, и вот была бы у меня фотография, что я с людьми, с феминистскими лозунгами на Дворцовой. Так жаль, что не получилось, но круто выглядит со стороны». Ну и, конечно, что ты не чувствуешь паники такой, что тебя оторвали от некого коллективного действия и изолировали. То есть ты полностью включен в процесс. Мы потом стали смотреть прямые трансляции, что происходит снаружи у отдела. Туда тоже подошло человек 20–30, которые там пели песни, пытались войти в отдел.

Фото: Ольга

Фото: Варя Михайлова

Фото: Ольга

Так-то, конечно, в отделе ничего не изменилось — всё такие же чудовищные «стаканы», бетонные мешки с деревянными полатями. Чудовищный, конечно, туалет с дыркой в полу, без туалетной бумаги, естественно, не закрывающийся ни на что. Вся эта обшарпанность и убогость — она так и осталась.

Елена Шендера:

Мы впятером пошли к 78 отделу, куда их доставили. Когда мы пришли туда, там уже было достаточно много народу. Было приятно, что столько людей пришли поддержать. Состав поддерживающих все время менялся, за исключением некоторых, особенно стойких. Люди приходили и уходили, так что сложно сказать, сколько

всего было людей. Сначала было весело, мы пели песни, а задержанные девушки из-за двери нам подпевали.

В какой-то момент появилось много полицейских чинов, и по лестнице стали подниматься мужчины с надписью «ОМОН» на спине. Какой-то полицейский сказал нам выйти на улицу, поскольку мы не имеем права здесь находиться. Все начали возмущаться и заявлять, что около дежурной части — имеем, и не сдвинулись с места. Тогда ОМОНовцы (впоследствии выяснилось, что это были бойцы Росгвардии — *ОВД-Инфо*) молча начали грубо выталкивать всех на улицу.

Я представилась сестрой одной из задержанных (все люди — сестры!) и сказала, что пока мне не скажут, когда отпустят мою сестру, я никуда не уйду, и вцепилась в подоконник дежурной части. Мне стали в очередной раз объяснять, что я не имею права здесь находиться, и врать, что я могу прочитать об этом на информационном стенде (я потом внимательно изучила этот стенд и никакой информации по этому поводу не нашла). Кто-то подсказал, что я могу написать заявление. Я попросила бланк. Дежурный мне его выдал, и меня оставили в покое. Пока я делала вид, что заполняю заявление, заскучавшие ОМОНовцы стали спрашивать, кто я такая и чего хочу. И я прочла им чуть ли не целую лекцию о гендерном равноправии. Мне этого делать не очень хотелось, поскольку публика неблагодарная, но когда я замолкала, воцарялась тишина, и все смотрели на меня со знаком вопроса в глазах — приходилось продолжать. Как мне показалось, молодые ОМОНовцы слушали внимательно, а вот двое постарше агрессивно заявили, что это заняться мне нечем, и что у нас в стране уже давно царит равноправие.

Как они внезапно появились, так же внезапно и исчезли. Наши тут же зашли обратно и заняли прежние позиции на лестнице и на площадке у дежурной части. Второй

штурм отдела ОМОНовцами был предпринят где-то через час, всех выгнали на улицу, а внутри у двери встал полицейский. Была достигнута договоренность, что будут пускать по три человека погреться. Сначала так и происходило, но потом полицейским, дежурившим у двери, это надоело, и со словами «вам тут не обогревальня» перестали впускать.

Фото: Давид Френкель

Варя Михайлова:

В течение четырех с лишним часов с момента доставления (то есть почти 6 часов с момента фактического лишения свободы) ни один протокол не был составлен. Первый протокол был составлен в 21:00 — как раз в отношении меня. Мне вменяется не только «нарушение порядка проведения публичного мероприятия» (ч. 5 ст. 20.2 КоАП), но и «невыполнение законных требований сотрудников полиции» (ст. 19.3 КоАП). Протоколы очень смешные: в них написано, что я «скандировала лозунги с целью выражения своего мнения и формирования мнения окружающих, слушала и обсуждала проблемы равенства женщин в обществе». Серьезное нарушение, ничего не скажешь.

Анастасия Некозакова:

Нам с Лешей (Ивановым — *ОВД-Инфо*) еще начальник отделения сказал: мол, вы обвиняетесь по 318-й (статья Уголовного кодекса, применение насилия к представителю власти — *ОВД-Инфо*). Мы спросили, где документы, в статусе кого мы, что это вообще значит — вы, мол, обвиняетесь, поэтому мы вас оставим. Со слов Динара (правозащитника Динара Идрисова — *ОВД-Инфо*), там два мента написали рапорты в Следственный комитет на нас с просьбой завести дело по 318-й. Меня выпустили,

потому что у меня двое несовершеннолетних детей, меня не имеют права держать по 19.3 больше трех часов. Будет очень странно, если они заведут дело, потому что там никакой 318-й даже рядом не стояло. Но в «Болотном деле» 318-я тоже даже близко не стояла, но у многих она есть, почти у всех. Потому что там у некоторых было написано, что полицейский получил психологическую травму, и этого было достаточно. Поэтому тут мне сложно сказать, но это все же не Болотная, а феминистская акция восьмого марта, странно, если что-то такое заведут.

Варя Михайлова:

Все протоколы, кстати, были составлены без нашего участия, перед составлением протокола нам не была разъяснена 51-я статья Конституции РФ. Все время, что мы находились в отделении, сотрудники полиции препятствовали нашему общению с нашим защитником Динаром Идрисовым, не пуская его в отделение.

Все эти нарушения — а также само наше незаконное задержание — мы, конечно, будем обжаловать.

Фото: Давид Френкель

Анастасия Некозакова:

Все друг к другу проявляли такую солидарность и поддержку, с такой любовью и нежностью относились, это прям очень здорово. Девочки из оргкомитета говорили, что он состоял из разных людей. Можно даже понять по фейсбуку, что есть различные феминистские группы, которые друг с другом не общаются, ругаются. А там вроде присутствовали даже все, и, в общем, были приняты решения, что всё-таки все вместе, что есть общие задачи, общая повестка. И на мой взгляд, то, что люди, которые все время в состоянии некой войны друг с другом, организовали такую массовую и прекрасную дружескую

акцию, — это очень круто, я надеюсь, что это и дальше продолжится.

Варя Михайлова:

Я ни минуты не жалею, что пошла вчера на акцию — такой солидарности среди активистов, как вчера, не было много лет. Я слышала, что после моего задержания нескольким активистам удалось избежать задержания, потому что толпа не отдала их полиции. Это круто. Такой солидарности, такого бесстрашия — и такого сестринства! — в Петербурге не было со времен маршей 2011–2012 годов. И эта солидарность внушает силы, вдохновение и веру, что Россия обязательно будет другой. Остается только надеяться, что мы доживем.

Задержания феминисток 8 марта 2017 года

В Москве и Петербурге 8 марта 2017 года прошли акции феминисток, закончившиеся задержаниями.

1 17

Ещё почитать

24.02.2026 Санкт-Петербург

Прокурор запросил от 8 до 13 лет колонии для фигурантов дела «Весны»